

**КСЕНИЯ
КРИВОШЕЙНА**

ОТТАЯВШЕЕ ВРЕМЯ ИЛИ

**ИСКУШЕНИЕ
СВОБОДОЙ**



Ксения Кривошеина

**Оттаявшее время, или
Искушение свободой**

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кривошеина К. И.

Оттаявшее время, или Испытание свободой /
К. И. Кривошеина — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-73-8

В своих воспоминаниях автор рассказывает о людях, с которыми свела её жизнь, многие из них имеют мировую известность, их судьбы высвечивают то время, о котором тосковать не нужно, но и забывать не следует, перед многими из них следует склонить головы за их мужество. Некоторые из них прошли советскую «закалку», кто-то был арестован и выслан на Запад, а кто-то остался в России. На страницах этой книги вы встретите пианиста Святослава Рихтера и композитора Андрея Волконского, художников Николая Акимова, Натана Альтмана и Оскара Рабина, поэтов Анну Ахматову и Иосифа Бродского, известных и малоизвестных деятелей русской диаспоры во Франции, Швейцарии и Америке.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906910-73-8

© Кривошеина К. И., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Часть 1. Русская рулетка	7
Мой дед Иван Ершов	7
О моей бабушке	14
О моих детстве и юности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ксения Кривошеина

Оттаявшее время или испытание свободой

© Ксения Кривошеина, текст, составление, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2017

* * *

Введение

Я родилась в Ленинграде, застала страшные сталинские годы, оттепельные хрущевские и застойные брежневские, вернулась первый раз из эмиграции уже в Санкт-Петербург. Двадцатый век России стал тяжелым испытанием для всей страны, для каждого человека по-своему: искушения, подвиги и предательства выявились во всех слоях общества. Казалось, что народ никогда не оправится. Очень медленно, но травка стала пробиваться из-под асфальта, и за последние десятилетия живое слово, творческая энергия во всех областях показали, что надежды на возрождение не были напрасны.

Советская интеллигенция была разная. Та, которая шла «в ногу и в строю», получала хорошие заказы, квартиры, машины, дачи и прочие блага, но должна была отрабатывать, платя за всё это совестью. Новая власть уже в начале двадцатых годов поняла, как и чем можно купить или перекупить интеллигенцию. Революционные поэты, писатели и актеры были убежденными ленинцами, а потом сталинцами (правда, многих все равно расстреляли). Были и «прозревшие», кто не хотел или не мог через себя переступить, некоторые находили возможность жить двойной жизнью.

Все были заложниками системы, а как только выбивались из официальной линии, сразу делались изгоями. Попытка стать хоть немного свободней приводила к большим испытаниям. Наши «органы» не дремали: всех брали на заметку, борьба с «формализмом» не прекращалась; а потому не у всех хватало смелости отказаться от предписанного метода и переквалифицироваться из писателя в кочегары (были и такие). Годы шли, и многим стало ясно, что они живут в стоворе с совестью и с постоянным страхом.

Несмотря на тотальную цензуру, в СССР появились художники, литераторы, музыканты, которые решили попробовать свои силы в чем-то ином, чем соцреализм. Творцы – те, которые сочиняли не «как надо», а работали «за шкаф» и «в стол» – в основном жили бедно, в коммуналках, в заграникомандировки их не пускали. Те далекие хрущевские «оттепельные» годы закончились по-русски – зимней слякотью. Но ветер, подувший после смерти Сталина, принес перемены.

К 1990 году у людей, проживших в стране Советов в полной изоляции от другого мира, не понимавших, что такое рыночная экономика, лишенных права собственности, свободы вероисповедания, свободы творчества, накопился колоссальный заряд энергии – набрав воздух всей грудью, им хотелось одним махом перепрыгнуть пропасть и забыть СССР навсегда. Но этого не случилось, а по прошествии двадцати пяти лет новой России мы, оглядываясь назад, начинаем осознавать, как трудно преодолеть эти годы жизни при советской власти. Теперь появились люди, которые ностальгируют уже даже не по Брежневу и Хрущеву, а по товарищу Сталину!

В своих воспоминаниях я рассказываю о людях, с которыми свела меня жизнь, многие из них имеют мировую известность, их судьбы высвечивают то время, о котором тосковать не нужно, но и забывать не следует, перед многими из них следует склонить головы за их мужество. Некоторые из них прошли советскую «закалку», кто-то был арестован и выслан на Запад, а кто-то остался в России.

На страницах этой книги вы встретите пианиста Святослава Рихтера и композитора Андрея Волконского, художников Николая Акимова, Натана Альтмана и Оскара Рабина, поэтов Анну Ахматову и Иосифа Бродского, известных и малоизвестных деятелей русской диаспоры во Франции, Швейцарии и Америке.

Часть 1. Русская рулетка

«...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.»
Молитва Господня



Мой дед Иван Ершов



Мы живём во времена ускорений, и события мелькают перед нами, как на плёнке старого чёрно-белого кино. Двадцатый век закончился, он принес нас на границу бездны и страха за будущее, забывая по пути ушедших героев и знаменитостей, политиков, президентов, генералов и актёров... а заодно события важные и менее значительные.

Вот, к примеру, идём мы по улицам, которые названы в честь знаменитостей, и ловим себя на том, что порой даже не помним, о ком идёт речь, кем были эти люди. А задумчиво стоящие и сидящие люди, отлитые в бронзе, восседающие на конях, застывшие с простертыми в небо руками – кто они? Если не подойти к памятнику и не прочитать, то так и не вспомнится, а может и не узнается никогда, зачем и кому воздвигнуто это бронзовое изваяние.

На улице Гороховой, дом четыре, в Санкт-Петербурге висит большая мемориальная доска, на ней написано, что здесь «...жил знаменитый певец Иван Васильевич Ершов». На фасаде этого дома ещё ряд мемориальных досок, в основном актёрам – ведь здесь когда-то жило много прославленных людей.

Я родилась в квартире, расположенной на пятом этаже (предпоследнем), занимавшей пространство по всему периметру дома. Дед хотел видеть небо и простор, но, к сожалению,

вид из окна был не на Александрийский шпиль, а во двор-колодец, довольно мрачный. Вся анфилада комнат соединялась огромным коридором, по которому я совершила первые шаги, а уже позже каталась на велосипеде. У меня с детства сохранилось ощущение таинственности нашей огромной и во многом «сказочной» квартиры. Все стены комнат и коридора были завешаны сценическими фотографиями деда и бабушки в ролях, картинами самого деда, скульптурами Кустодиева (он лепил и рисовал его), рисунками Репина, эскизами костюмов Бенуа... В квартире было три рояля, завораживающий меня в детстве инструмент фисгармония, нотные шкафы до потолка в пять метров высотой. Здесь же на кушетках и креслах валялись шкуры, мечи и щиты Зигфрида, гусли Садко, многочисленные гримёрные ящики и масса зеркал самых разных форм и размеров. Атмосфера и температура этого накалённого пространства творческих деяний сохранялась очень долго, вплоть до смерти бабушки в 1972 году.

Моя бабушка, Софья Владимировна Акимова-Ершова, была партнёром деда по сцене, его концертмейстером, профессором по классу вокала в Ленинградской консерватории. Их романтическая встреча в Лейпциге и продолжение встреч в Мюнхене, любовь, сложные и вулканические отношения... сравнялись и упокоились в одной могиле в Александро-Невской Лавре. Бабушка была второй женой деда (а он вторым её мужем), разница в возрасте почти в тридцать лет, сословное происхождение, над которым дед подсмеивался всегда. Бабушка вышла замуж против воли своих родителей и первого мужа, А.С. Андреевского (он был сыном известнейшего адвоката и криминалиста С.А. Андреевского). В период развода с бабушкой он чуть не застрелился от горя. Как часто в жизни бывает, парадокс заключался в том, что Андреевский сам обратил внимание молодой начинающей певицы (своей жены) на И. Ершова. При первом же их пребывании в Германии Андреевский рассказал ей о русском артисте Иване Ершове, «который, по его глубокому убеждению, даже в самой Германии не имел себе равных в исполнении партий героев вагнеровских опер». Софья Акимова-Ершова стала постоянным партнёром Ивана Ершова по всему вагнеровскому репертуару. Работая над исполнением образов вагнеровских драм, они старались не пропускать возможности побывать в исторических местах, отображённых в произведениях Вагнера. Бабушка совершенно свободно владела немецким языком, а дед выучил не только немецкий, но и итальянский. Оба они жили ещё в той жизни, когда слова «служение искусству» не были превращены в нечто банальное и не воспринимались как высокопарность. Это было настоящим служением – не во имя славы, а сознательным несением своего дара Божьего людям. 25 октября (7 ноября) 1916 года у них рождается сын, (мой отец) которому Иван Ершов и Софья Акимова дали имя Игорь, в честь любимой оперы Бородина «Князь Игорь».

Об Иване Ершове написано много книг, статей, а в 1999 году в Санкт-Петербурге в издательстве «Композитор» вышло второе дополненное исследование профессора А.А. Гозенпуда. Этой книге он отдал почти десять лет, она наполнена фотографиями и большими серьёзными исследованиями творчества деда. Помню, как он много и дотошно работал с архивами, расспрашивал моего отца, учеников деда. Профессору А. Гозенпуду сегодня уже далеко за девяносто лет, но ещё совсем недавно в Париже я видела его по телевидению в фильме, посвящённом С.С. Прокофьеву, он замечательно говорил, и глаза его горели молодостью.

Мой дед скончался в 1943 году, а я родилась в конце сорок пятого, так что лично деда своего я не знала. Но, тем не менее, я выросла в атмосфере поклонения таланту гения Ершова, Мой отец на протяжении всей своей жизни так и не смог справиться с сыновним комплексом великого отца, хотя унаследовал прекрасный голос, внешность, пропел на сцене Малого оперного театра два сезона (особенно он был хорош и красив в ролях Куракина и Дон Жуана), но выбрал всё же путь художника.

Но вернусь к деду. Он родился 21 ноября 1867 года на хуторе Малый Несвятай около Новочеркасска. Его мать была крепостной батрачкой у местного барина, и мальчика она прижила от него. Детство деда проходило в постоянных побоях и унижениях, мать иначе как

«выблядок» мальчика не называла. Удивительно, что дед до конца своих дней обожал и жалел свою «маточку», как он её ласково называл. Уже поступив в Петербургскую консерваторию и получая жалкую стипендию, сам едва сводил концы с концами, болел туберкулёзом, но посылал ей деньги и ласковые письма. В 1883 году он поступил в железнодорожное училище в Ельце, где получил диплом машиниста. С раннего детства в господском доме своего «отца» мальчик слышал фортепьяно, и, обладая абсолютным слухом, многое из услышанного знал на память. Работая на железной дороге, он участвовал в выступлениях ученического хора и пел в церкви. Так он и привлёк к себе внимание местной знати, купцов и местных меценатов. Слава об одарённом юноше быстро распространилась, его стали приглашать на вечера, устраивали импровизированные концерты... и в один прекрасный день (а он запомнился деду на всю жизнь) ему было объявлено, что на собранные купцами средства его отправляют в Петербург, поступать в Консерваторию.

В 1888 году молодой человек приехал в столицу и на вступительных экзаменах предстал перед самим Антоном Рубинштейном и Станиславом Габелем.

В своих воспоминаниях (не опубликованных) дед изумительно живо описывает это прослушивание. Он был буквально потрясён колоритным обликом Антона Рубинштейна, и когда «...он обернулся ко мне и бросил на меня свой изумительный взор... Ой, меня так и тряхнуло. «Ну, так что же, Вы с паровоза и хотите на оперную сцену? Хорошее дело!» – смерил меня с головы до ног и говорит: «Ну, дайте себя послушать, что у Вас есть? Есть ли с Вами какие-нибудь ноты?»

Нот не было! Была только музыкальная память, абсолютный слух да смелый дерзновенный характер, но сердце его от слов А. Рубинштейна ушло в пятки. Молодой человек больше всего тогда любил петь Шуберта и сказал, что споёт романс «Прости». Дед не знал, что это был настоящий подарок для А. Рубинштейна «Много позже я узнал, что Антон Григорьевич очень любил Шуберта. «Каковы же были моё удивление и испуг, когда он, взявши ноты, сам пошёл к роялю аккомпанировать мне!» Затем Ершова спросили, знает ли он что-нибудь из арий, и он, волнуясь, сказал, что на память выучил арию Ионтека из «Гальки». Станислав Габель так и вспыхнул! Только потом молодой человек узнал, что Габель был учеником Мицкевича. По всему было видно, что и исполнением и его диапазоном голоса оба маститых мастера остались довольны. Ершова попросили выйти из комнаты и после маленького совещания его позвали. Антон Григорьевич «С благожелательной улыбкой и величайшей простотой сообщил: «Я знаю, что у Вас нет средств. Вы будите, приняты, Вам дадут бесплатный обед и 15 рублей стипендии»

После этой радостной вести Ершов вышел со слезами на глазах. Так начался долгий славный путь Ивана Ершова, в будущем прославленного солиста Императорского Мариинского театра. Среди великих мастеров русского оперного театра он занял одно из самых почётных мест. Вся его творческая жизнь прошла в Петербурге, Петрограде и затем в Ленинграде. Здесь мне хочется напомнить некоторые впечатления его современников: так со слов певца и мемуариста С.Ю. Левика «...Ершов сверкал духовной красотой. Если на чьём-либо челе можно действительно увидеть печать гения, то эта печать ярко горела на челе молодого Ершова». В 1895 году он был принят в труппу Императорского Мариинского театра, на сцене которого прошла вся сценическая жизнь Ершова и где он приобрёл настоящую славу. По всему складу человеческому и артистическому он отличался от певцов-теноров предшественников и современников. Никто в то время (в опере) особенно не думал о создании настоящего драматургического образа, оперный певец должен был хорошо выпевать ноты, по возможности не фальшиво, и мало передвигаясь по сцене, быть послушным инструментом постановщика и дирижёра. А для Ершова настоящей стихией и страстью была героика, трагедия с огромной силой он передавал мужественность, благородство, страдание и боль.

Впервые на сцене появился тенор, который обладал поразительным декламационным искусством, пластикой жеста, эмоциональным проникновением в каждую исполняемую роль.

Широта репертуара поражала разнообразием и тонкостью «окрасок» характеров героев – мудрость Финна, героизм Зигфрида, страх смерти Гришки Кутерьмы, бесчеловечность Коцея Бессмертного... В 1916 году в Москве на сцене Большого театра в «Сказании о невидимом граде Китеже» зрители впервые увидели и были потрясены его исполнением роли Гришки Кутерьмы. Это была настоящая драматургия в сочетании с огромным певческим диапазоном.

В том, что дед мог так глубоко и разнообразно представлять «другую» оперу во многом было определено его всесторонней одарённостью. Он был Артист в полном объёме этого слова: прекрасно рисовал и писал маслом, был скульптором и много работал над гримами (он всегда гримировался сам и создавал «костюм-образ»), впоследствии стал оперным режиссером и учителем сцены, наставником и основателем Оперной студии при консерватории. И внешне он был красив и величественен. Поклонник имел массу, и до сих пор у меня хранится альбом с дарственными надписями и признаниями в любви под фотографиями красавиц.

Слухи о необыкновенном артисте оперы дошли до Европы, его стали приглашать на гастроли.

В 1901 году Ершов получает приглашение от Козимы Вагнер приехать в Байрет – эту вагнеровскую «Мекку». Но они встретились только в следующем, 1902, году, когда С.М. Волконский, наконец, убедил Ивана Ершова посетить с гастролями Париж. Это знакомство впоследствии переросло в дружбу с постоянной перепиской по-немецки (их письма хранятся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина).

В оставленных записных книжках дед описывает события изо дня в день – то, как он оказался окружённым цветом художественной парижской элиты того времени. Здесь он встретился не только с Козимой Вагнер, но и был представлен шведскому королю Оскару II, графине Элизабет Греффюль, Николаю Бетаки, вдове Жоржа Бизе. У него были интереснейшие разговоры с Марселем Прустом и композитором Сен-Сансом, который сам ему аккомпанировал на одном из вечеров...

* * *

Как я уже говорила, дед обладал большими способностями к живописи. Илья Репин, сделавший несколько его портретов, и Кустодиев, лепивший его не раз, искренне восхищались его талантом живописца. Ершов посещал мастерскую Яна Ционглинского и брал уроки как начинающий студент; в то время это была довольно известная студия и её посещали многие художники, которые впоследствии стали настоящими мастерами. В артистической уборной деда Мариинского театра долгое время хранился его поясной портрет, написанный гримом на стене (что с ним стало?)

По семейным преданиям, удивительный случай произошёл с Образом Христа, который дед написал на простом холщовом полотенце и с которым никогда не расставался.

В 1910 году, летом он собрался к себе на дачу, в новгородскую губернию. Бабушка попросила его захватить с собой кое-что из вещей и её фамильных драгоценностей. Всю жизнь она хранила их под крышкой рояля (насколько это было надёжно, трудно сказать, нашу квартиру грабили много раз и в разные периоды), дед взял коробочку с драгоценностями, завернул её в холщовое полотенце с Образом и положил всё в сундук вместе с остальными вещами. Дорога была длинная, в то время попасть на реку Мсту через новгородские леса было делом долгим, лошадей меняли в Малой Вишере, на постоялом дворе пили чай, отдыхали. (В шестидесятые годы, посещая эти места я сама пила жидкий чай в столовой Малой Вишеры, где в середине зала возвышался десятиведерный самовар из имения Ершова. Употреблялся он не по назначению, внутри был налит самогон). Отмахав много вёрст, дед ехал через лес и вот тут, уже почти возле дома, на него напали разбойники. Лошадей остановили, кучера ссадили, сундуки взломали и... перед ними развернулся Образ Христа! Это их так напугало, что один из них упал

на колени, стал молиться, другой дал дёру, побросав в панике всё награбленное. Один из них всё же прихватил с собой бабушкину коробочку с драгоценностями, но каково было удивление деда, когда через пару дней крестьяне принесли эту коробочку с нетронутым содержанием, сказав, что нашли её подброшенной к одному из домов.

Конечно, в нашем доме сохранялась память о сценических казусах и смешные театральные истории, связанные с дедом. Так, например он всю жизнь суеверно верил в магию цифры девять. Игральные карты (найденные на улице) с цифрой девять, театральные билеты – это всегда было место под номером девять, свои концерты или премьеры он старался назначать на девятое число, более того, он подарил бабушке бриллиантовую брошь в виде девятки, которую пришлось продать уже после войны в сорок пятом. (Стоила она тогда две белых булки!) Если он приходил в дом под номером девять, то был уверен, что здесь живут милые люди и визит будет удачным. После деда осталась настоящая коллекция предметов и безделушек, связанных с числом девять. Как всякий большой артист, по натуре человек страстный и крайне ревнивый, он распространял свою ревность не только на предметы, но и на близких людей. Его суеверие и ревность иногда проявлялись странно, парадоксально, необъяснимо.

Моя бабушка часто и подолгу проводила время в ванной; как все певцы, она по утрам любила «распеваться» именно за утренним туалетом. Длилось это иногда час, а иногда и более. Каждый день это кончалось сценой ревности со стороны деда. Он был уверен, что бабушка делает вид, что приводит себя в порядок, а на самом деле она читает любовные письма.

У деда была любимая чашка, из которой он долгие годы пил чай и никогда не расставался с ней. Всегда говорил, что если она разобьётся, то «тут-то он и умрёт». В доме всегда жило много друзей, поклонниц и «приживалок». Прислуга боялась прикасаться к этой чашке. И как часто бывает (по «закону подлости»), чашку разбила одна из наиболее преданных и влюблённых в деда поклонниц (Е.Ш.) Дело дошло чуть ли не до самоубийства самой особы. Не помню, как ему сообщили о том, что его магическая чашка разбита, а Е.Ш. сама была в состоянии близком к смерти. Хочу сказать, что преданность и любовь этой замечательной женщины не имела границ. Благодаря её трудам и терпению, впоследствии многое из записей моего деда было расшифровано и переписано. Ершов обладал на редкость беглым и плохо читаемым подчерком, а после работы Е.Ш. он стал доступен читателю.

Иван Ершов был наделён природой эффектной внешностью. Роста он был среднего, но его манера держаться и ходить (вроде как на котурнах) производила впечатление, что он высокий человек. Недаром дед всю жизнь преклонялся перед балетом и был истинным балетоманом. Ещё молодая и начинающая Галина Уланова была его настоящим кумиром. И не случайно, что в те времена она была одна из первых, кто не просто вытанцовывал па и технически безупречно крутил фуэте, но и создавал артистический образ на сцене. Дед всегда с восторгом вспоминал её Джульету. Видимо, его осанка в жизни и на сцене, над которой он постоянно работал, во многом была построена на внимательном изучении балетной пластики. Внешность его, незабываемый профиль, длинные волосы, высоко поднятая голова, походка – производили неизгладимое впечатление на окружающих. Он был узнаваем на улице, когда гулял со своей неизменной тростью, а сзади слышался восторженный шёпот «Смотрите, это Ершов...».

На своём жизненном пути деду довелось встретиться со многими известными людьми того времени. В большой дружбе он был с композиторами Глазуновым, Римским-Корсаковым, с музыковедом Гнесиным, с С. Волконским, с дирижером Е. Мравинским.

Большим событием тех далёких лет была постановка опер Вагнера на сцене русской оперы. В те годы не возникало столь idiotских дискуссий, что Вагнер – «фашистский композитор», тогда фашизм ещё не родился. А как же теперь классифицировать Бетховена, ведь его произведения были любимыми и исполняемыми лично вождём пролетариата В.И. Лениным? Так вот, история не должна замалчивать, что В.Э. Мейерхольд много и тщательно изучал творчество Вагнера и его эстетические воззрения. Именно в его постановке появилась впер-

вые на русской сцене опера «Тристан», в которой Ершов пел заглавную партию. Он стал первым исполнителем главных ролей всего цикла «Кольца Нибелунгов», а замечательный костюм для Зигфрида (шкура, сандалии, меч) были придуманы самим Бенуа. В те же годы Мейерхольд работал вместе с Глазуновым и Бенуа над оперой «Маскарад», получилась интереснейшая постановка.

За тридцать три года пребывания на сцене И. Ершов создал около шестидесяти партий и уже на закате своей артистической карьеры стал первым исполнителем Труффальдино в опере С.С. Прокофьева «Любовь к трём апельсинам». Сергей Сергеевич уговорил деда выйти на сцену в этой партии, и был уверен, что, не смотря на почтенный возраст (Ершову было уже за 60), он будет блистателен. И не ошибся!

В 1938 году, после первого исполнения «Пятой симфонии» Дмитрия Шостаковича под управлением Евгения Мравинского, потрясённый услышанным, Ершов, уже семидесятилетний старик, маститый артист, упал в артистической на колени перед растерявшимся композитором.

Восторженность, буйный и неуправляемый темперамент деда приносили не всегда радости. Частенько это оборачивалось скандалами и руганью с дирижёрами и постановщиками. В своих оценках и принципах у деда никогда не было дипломатической середины, но ему прощалось многое именно потому, что он был Ершов.

Настоящий самородок, выходец из бедной семьи, обожавший русский язык, хотя в совершенстве владел немецким и итальянским, считал всегда, что находится в неоплатном долгу перед своей Родиной и народом. Может быть, поэтому он так никогда и не решился уехать в эмиграцию.

Скончался Иван Васильевич Ершов в 1943 году в день своего рождения, в Ташкенте, куда были эвакуированы Мариинский театр и консерватория. В 1956 году прах его был перевезён в Александро-Невскую Лавру, в Некрополь, где он покоится рядом с могилами артистов, композиторов, своих учителей и учеников....

Как-то однажды, уже в Париже, мой муж Никита Кривошеин позвал меня к телефону: «С тобой хочет поговорить из Нью-Йорка моя девяностолетняя тётя». «А Вы похожи на своего деда?» – был её первый вопрос. Я растерялась.

Странна наша судьба, а иногда и её возвращение «на круги своя».

* * *

Я живу уже более тридцати пяти лет в Париже, но если сказать честно, никогда не стремилась уехать из бывшего Советского Союза, не подавала заявлений в ОВИР, да и не устраивала всех прочих уловок и демаршей, для того чтобы, как в то время говорили, «быть выездной». Жизнь моя была интересна в тогдашнем Ленинграде. Я была окружена друзьями и поклонниками, работала иллюстратором детских книг, посещала концерты в филармонии, выставки, много читала и слушала, как все, радио «Свобода» и «Би-Би-Си». Я выросла в семье, где царила музыка, опера, драматический театр и живопись. В младенческом возрасте, чтобы успокоить мой рёв, меня клали на крышку рояля, а бабушкины ученики продолжали репетировать партии. Может быть «по наследству» я была увлечена балетом и мечтала, что из меня выйдет хорошая балерина. По тем годам меня подвел рост («слишком высокая!» – был вердикт Вагановского училища – «партнёра не сыскать»).

В свои шестнадцать лет я с большим любопытством изучала залы Эрмитажа и Русского музея, ходила на «джермейшеры» в Университет, где играли замечательные и прославленные джазисты, и где читали свои стихи Соснора и Бродский. Наше поколение прикоснулось к этой непродолжительной полосе счастья в истории СССР под названием «оттепель» и «десталинизация». Состояние воздуха (буквально) было пропитано возможностью бесстрашно танцевать

(буги-вуги), читать («самиздат»), петь (Высоцкого, Окуджаву и Галича), собираться компаниями с гитарой и пить сухое вино «Гамза», ходить на новые концерты «Мадригала» в филармонию (во главе с Андреем Волконским в зените своей славы), посещать первые квартирные выставки художников-авангардистов и наконец... по моде (хоть и с большими трудностями!) одеваться. Более того, я смогла совсем не сложной уловкой избежать вступления в ряды комсомольской организации. И ещё многое другое, что невозможно перечислить в списке тогдашнего «счастья», обрушилось лавиной на нас.

К сожалению, длилось это всего года три-четыре, а потом стагнировало вплоть до начала семидесятых. Началась новая волна посадок и арестов с процессами диссидентов и отказников, в результате пошли выезды и высылки из страны, родина лишалась своих героев и лучших представителей интеллигенции. Кто бы мог тогда предполагать, что многих из нас судьба сведёт в Париже, Лондоне или Нью-Йорке. Странно подумать, что уже в те шестидесятые годы, в параллельном пространстве, рядом, не пересекаясь со мной, мелькал в тех же компаниях мой будущий муж Никита Кривошеин, с которым мне суждено было встретиться только в 1979 году... в Женеве.

И уже разбирая архив Ивана Ершова, я обнаружила фотографию, на которой изображён мой дед, мама Никиты, его тётушка и Борис Зайцев. Место этой сцены – 1910–11 годы, Гурзуф, имение Мещерских. Иван Ершов посещал эту семью, пел у них на музыкальных вечерах, писал портрет Наталии Алексеевны (тётушки Никиты), ухаживал за ней. Так что вопрос Никитиной тётушки по телефону из Нью-Йорка, через семьдесят лет, «похожа ли я на своего деда?» был достаточно сюрреалистичен для нас с Никитой, но не для неё.

На обороте этой групповой фотокарточки почерком моей бабушки (Софьи Владимировны Акимовой) подробно выписаны даты, место, фамилии. А на другой открытке – репродукция портрета Наталии Алексеевны Мещерской и Бориса Зайцева, писанного моим дедом.

Эти странности и, как оказывается, закономерности предопределены нашей судьбой. Разбитые и рассеянные черепки склеились. А мой дед, моя бабушка, и судьба семьи Никиты нашли продолжение и соединение уже в нашей жизни. Но обо всём этом хочу рассказать по порядку.

О моей бабушке

Итак, бабушка моя Софья Владимировна Акимова (Ершова), будущая жена Ивана Васильевича Ершова и мать Игоря (моего отца) родилась в 1887 году на Кавказе в городе Тифлисе. На своей левой руке безымянного пальца я ношу фамильное кольцо с вензелем из трёх букв «С.В.А» (имя, отчество, фамилия бабушки), это то малое, что сохранилось у меня от семьи. И ещё я всю жизнь обращалась к своей бабушке только на «Вы». Отношения наши были всегда тёплыми и увлекательными.

Это была дворянская и достаточно патриархальная семья. Очевидно, как говорили наши деды и прадеды, Акимовы произошли от армянской фамилии Екимян, (в переводе «врач»). Её дед со стороны отца – Николай Захарьевич Акимов, а со стороны её матери

– Антон Соломонович Корганов, хорошо говорили на грузинском языке и прекрасно владела русским. Семья Коргановых была богата, так как владела большими нефтяными месторождениями, и очень родовита.

Вот что пишет бабушка в своих воспоминаниях.

«Мой отец, Владимир Николаевич Акимов, получил образование в Петербурге, в Николаевском кавалерийском училище, вышел в отставку в чине генерала. Мать – Мария Антоновна Корганова – окончила Институт благородных девиц в Тифлисе. Была на божным и церковным человеком. Помимо русского и армянского языков, и отец, и мать свободно говорили по-французски, немецки и понимали грузинский. Не приходится удивляться тому, что в Тифлисе, бывшей столице Кавказского края, резиденции царского наместника, графа Воронцова-Дашкова, интеллигенция говорила преимущественно на русском, грузинском и французском языках. Несмотря на это, моя мать сочла нужным взять нам (трём сёстрам) учителя армянского языка.

Отзвуки далеко ушедших лет детства и ранней юности прежде всего возвращают меня к матери. Часто, ребёнком трёх-четырёх лет, сидя на её коленях у пианино, я слушала и чуть подпевала детские песенки из сборника «Гусельки». Особенно «Осенняя песенка» разливалась в моей душе нежной скорбью, глаза заволакивало, и по щекам текли тихие и тёплые слёзы. Спасибо маме за них. Она уже тогда поняла силу воздействия песни на мою детскую душу. В нашей семье музыкальностью обладали отец, его сестра Жозефина и брат Михаил. Однако никто из них не стал в этой области профессионалом. Отец, особенно в кругу семьи, был необычайно застенчивым и неразговорчивым человеком. Наблюдая как бы со стороны за ростом и развитием детей, он всецело доверил наше воспитание и образование матери, своё явное и ничем не прикрытое волнение за нас отец проявлял только, когда мы заболели.

На моей памяти отец пятнадцать лет кряду нёс доверенную ему почётную должность директора «Оперного Казенного Театра» в Тифлисе. Он был увлечён своей работой, а по роду своей военной службы и занимаемой им должности в театре он часто отлучался из дома.

Годы нашего детства в моей памяти ассоциируются с особенным по строгости воспитанием. У нас был прописанный режим воспитания, дома и в учёбе, за которым следила наша мать. В отличие от сестёр я росла настоящей «букой». Застенчивость и нелюдимость, очевидно унаследованные от отца, проявлялись в неприветливости к новым для меня людям. Лишь куклы были тогда для меня родными. Этот мир детских фантазий протянулся до одиннадцати лет, когда летом, в усадьбе моего деда Николая, меня подвели к детской кровати, стоявшей возле постели моей матери и показали мне «живую куклу». Это была только что появившаяся на свет моя сестра Ирина. Обомлев от удивления, я стремглав кинулась в детскую комнату за одной из любимых мною кукол и положила её рядом со спящей крошкой! На этом мир кукол для меня кончился».

Забегая вперёд, хочу сказать, что в 1916 году семья моей бабушки разделилась.

Трое сестёр: Нина (старшая), Софья (средняя) и младшая Ирина вместе с их матерью Марией Антоновной выехали в путешествие по Европе. Их отец Владимир Николаевич Акимов остался в Тифлисе. Роковые события 1917 года, потрясшие Россию, разделили семью навсегда. К этому времени бабушка уже состояла в браке с Иваном Ершовым и родила сына (моего отца). Её мать и две сестры решили остаться в Швейцарии, а Софья вернулась к Ивану Ершову в Петроград. «Скоро всё закончится, мы опять увидимся, я так хочу обнять маленького Игоря. Твои сёстры хорошо учатся, и мы скоро вернёмся домой...» – так писала моя прабабушка. Им суждено будет увидеться только в 1922–24 году, когда Софье с сыном будет разрешено посетить с гостевым визитом Женеву. Это была последняя встреча с матерью и сёстрами, и по тем временам казалось, что навсегда.

В 1964 году в Ленинграде моя бабушка (Софья Владимировна) впервые после сорокалетнего перерыва увидела свою младшую сестру Ирину. Она приехала с приятельницей как турист на три дня. В моей памяти отпечаталась маленькая, прямо держащаяся, как бы «засушенная», с голубыми волосами швейцарка. Ничего ни русского, ни армянского в ней не осталось, она была эталоном швейцарского благополучия и на меня пахнуло «гербарием» веков. Мы встретили её в нашей квартире с анфиладой комнат, на ул. Гороховой. Бывшая квартира Ершова в 1959 году превратилась постепенно в огромную коммуналку. Из каждой комнаты сразу высунулись любопытные носы: было всем на удивление посмотреть на «голубую старушку» из Швейцарии.

Почему-то я запомнила, что бабушка решила принять сестру достойно и шикарно. Как только открылась входная дверь, мне было приказано поставить на проигрыватель пластинку с записью деда, так что тётя Ирина вошла под звуки Вагнера и голос Ершова. Бабушка занимала в «своей квартире» 3 комнаты, а на большой кухне стояло семь деревянных столиков с аккуратными замками на каждом из них, три газовых плиты и кастрюли, на некоторых тоже красовались медные замочки.

«Голубая старушка» шла по коридору под музыку Вагнера и по-русски, с довольно сильным акцентом, выговаривала бабушке: «Слушай, Софи, как ты можешь жить в этой стране! Воды горячей в гостинице нет, я не могу принять ванну. Краны не отвинчиваются, уборная забита газетной бумагой, а туалетной бумаги нет на месте. Еда жирная, салатов не подают...» и так далее. Потом тётя Ирина перешла на французский, продолжая жаловаться с прежним азартом на «сервис» гостиницы «Октябрьская». Любопытные носы соседей стали быстро скрываться, услышав чужую речь.

Я была поражена, что сёстры не кинулись друг к другу в объятия, не заплакали, в общем, не произошло того, что мы обычно наблюдаем в кино или телевидению в передаче «Ищу тебя». После стольких десятилетий! Бабушка моя была смущена, отец почти возмущён, мама стала суетиться за приготовлением чая. Переписка между сёстрами, с перерывами во времени, по совершенно определённым обстоятельствам тех лет, худо-бедно продолжалась. Но вот встречи бабушка совершенно не могла вообразить, а я впервые увидела своих заграничных родственников. Во мне это, как ни странно, не пробудило любопытства, и казалось, что я у них тоже вызывала, скорее, чувство страха (а вдруг начну просить о подарках, джинсах, пластинках). Но я почему-то не просила, моя двоюродная бабушка мне не понравилась и никакого желания посетить Швейцарию в то время у меня не возникло. В то время я, моё поколение и страна переживали интереснейшее время.

Но хочу вернуться к рассказу о моей бабушке, вот что она пишет о своей юности.

«По сохранившимся у меня печатным программам «Музыкальных утр» (с 1896 по 1899 гг.), организованных моей первой преподавательницей по фортепьяно Жозефиной Антоновной Фирсовой, на которых значится и моя фамилия, я заключаю, что нотной грамоте меня начали обучать с семи лет. Более того, первые выступления на публике состоялись в этом же возрасте. Но, как ни странно, никаких ассоциаций или особенных воспоминаний у меня в памяти не сохранилось. Помню только, что выучивание наизусть заданных пьес всегда мне

давалось с трудом, а читка с листа, (с первого раза!) была свободной, будто она родилась вместе со мной. Это осталось на всю жизнь. Я могла взять ноты незнакомого и даже трудного произведения и без всякой репетиции сразу его играть. В домашней обстановке с моей тётёй Жозефиной и с троюродной сестрой Соней М.Б. мы много играли в «четыре руки». Я узнала классические симфонии западных великих композиторов. В те годы лучшего и более увлекательного досуга я не знала.

В 1899 году, в возрасте 12 лет, я впервые услышала оперный спектакль. Это был «Евгений Онегин» Чайковского. До сих пор я помню бурный успех баритона Л.Г. Яковлева, певшего в тот вечер роль Евгения Онегина. Помнится, он бисировал шесть раз к ряду арию Онегина «Увы, сомнения нет...». Яковлев в те годы пользовался блестящим успехом. Тогда же в моей детской голове запечатлелся образ Татьяны в исполнении умной и задушевной певицы Пасхаловой. Этот спектакль был первым толчком к страсти к сцене и перевоплощению. На первом же детском маскараде я была в костюме Татьяны из первого акта. Причём этот костюм я придумала сама.

Теперь в свободное от учебных занятий время я стала предаваться мечте о театре. Подстерегая время ухода родителей из дома, получив с согласия матери несколько длинных юбок из её гардероба, я становилась хозяйкой самой большой комнаты нашего дома, обращая её своей фантазией в театр. От моей природной застенчивости не оставалось и следа, я ощущала огромную радость разливаться полным детским голосом, не стесняя себя в движениях и жестах.

Моя тётушка Лиза Акимова, наблюдая в то время за моей страстью к пению и театру, горячо поддержала меня. Вскоре я получила от неё мой первый «взрослый» подарок – клавираусцуг «Евгения Онегина». Не прошло и недели, как я под собственный аккомпанемент пропела всё «письмо Татьяны»!

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, моя мама повела меня послушать в оперу замечательную певицу Надежду Амвросиевну Папаян. Она тогда была в расцвете своей славы, и её исполнение в партии Виолетты осталось неизгладимым в моей памяти. Мои родители дружили с Надеждой Амвросиевной, приглашали в гости, и однажды мне довелось самой сесть за рояль и аккомпанировать ей. Для меня подростка это было особенно волнующее событие, и я старалась изо всех сил. Исполняемый ею тогда романс ценности музыкальной не представлял. Искренность же передачи певицы была незабываемой. Глядя в ноты нового для меня произведения, я слушала, как зачарованная, пение Надежды Амвросиевны. Легкость, непринужденность и словесная выразительность поразили меня. Я подумала тогда: поёт так, как будто говорит. И сразу же я задала себе вопрос, как добиться такой свободы и правды в вокальной речи.

Ведь неестественность «пропеваемого слова», монолога или диалога, неправдоподобна уже в самой её сути и по форме. На протяжении всей своей музыкальной жизни я вспоминала эту счастливую встречу.

Позже, в 1905 году, в Петербурге, я вместе с мамой пришла поздравить Надежду Амвросиевну в гостиницу «Астория», с подписанием ею договора с парижской «Grande Opéra». Несколькими днями позже она выехала к своим родителям в Астрахань, где её постигла трагическая участь: её убили ворвавшиеся в дом грабители. Эта смерть была большим потрясением для всех многочисленных обожателей её таланта.

К шестнадцати годам я сдружилась со своими двоюродными братьями гимназистами Михаилом и Евгением Цовьяновыми. Михаил – виолончелист, впоследствии профессионал-музыкант, Евгений – любитель игры на скрипке. Семьи наши хорошо друг друга знали и не препятствовали нашим музыкальным встречам по субботам и воскресеньям. Сочетание разных по тембру музыкальных инструментов особенно было увлекательно для всех нас. Это был домашний, но вполне профессиональный камерный ансамбль. В это же время я впервые испытала чувство сердечного увлечения – чувство, которое называют первой любовью, – к Михаилу

(Мишелю, как мы его все звали). Наши чувства были взаимны и связаны даже клятвой, а увлечение музыкой, которое поднимало нас на романтические и волнующие высоты, придавало им особенный небесный восторг. К сожалению, наши родители, догадываясь о серьёзности наших мыслей, постарались не допустить соединения наших сердец под венцом, объяснив нам, что мы состоим в близком (двоюродном) родстве.

В 1904 году, после окончания гимназии, я была принята в музыкальное училище по классу фортепьяно. Но, проучившись полтора года, я совершенно не ощутила в себе призвания к сольному исполнительству. Тогда же в Тифлисе мне довелось услышать в роли Каварадосси одного из выдающихся певцов своего времени Николая Николаевича Фигнера. Во втором акте оперы своей игрой и голосом он довёл мои нервы до крайнего предела. Всё нарастающие стоны Каварадосси вывели меня из равновесия настолько, что я, не дождавшись конца акта, словно без памяти выскочила из театра прямо на улицу.

Несмотря на то, что мы свободно пользовались директорской ложей, моя мать считала необходимым, чтобы я посещала и драматический театр. Она всегда мне говорила, что именно в драме можно почерпнуть настоящую правду и мастерство для будущей профессии оперной певицы: «Культура оперных артистов-певцов ещё сильно отстаёт от драматических актёров, мастерство же последних немало зависит от их интеллектуального непрерывного обогащения» – говорила она. На всю жизнь я усвоила этот урок и когда впервые на сцене я увидела и услышала Ивана Ершова, мне были понятны корни и пути построения его сценической драматургии образа.

Русско-японская война и вслед за тем вспыхнувшая в Петербурге первая русская революция нарушили привычную мирную жизнь на Кавказе. Это время совпало с окончанием мною гимназии и с необходимостью продолжить музыкальное образование. Несмотря на моё настойчивое желание учиться пению, мама смогла убедить меня в необходимости сперва овладеть игрой на рояле: «Только при этом условии ты будешь чувствовать себя свободной от палочки дирижёра, от концертмейстера и от суфлёра!» – говорила она».

О моих детстве и юности

Насколько я не любила свои школьные годы, настолько я с нежностью вспоминаю своё детство. Кроме бабушки, с которой у меня, начиная с десяти лет, встречи были не каждодневными, а еженедельными, со мной все моё детство провозилась нянечка.

С бабушкой всё было иначе, я обращалась к ней на «Вы», она всегда с большим вкусом, по моде, одевалась, была надушена, много и часто водила меня в Мариинский и Малый оперный на спектакли, в филармонию, а больше всего я любила присутствовать на её уроках вокала. Забившись в угол мягкого дивана, утонув в горе подушек, я часами могла слушать, как распевались ученики и репетировались арии. Репертуар я изучала вместе с ними и часто подпевала про себя, с увлечением представляя себя на их месте. Забавнее всего проходили уроки пения с моим папой. Это был хороший пример того, как родителям не удаётся научить своих собственных детей специальности. Каждое занятие кончалось скандалом.

Так вот, у меня была нянечка. Она досталась мне «по наследству» от папы, которого она вынянчила. Сейчас уже нет таких нянь, их класс вымер, а это были особые женщины.

Родная сестра моей няни одевала бабушку для сцены и заведовала её театральным гардеробом. Я помню, что её звали Дуду. Обе сестры приехали из Новгородской деревни Крестцы на заработки в 1909 году в Петербург. Крестцы славились вышивкой, которая так и называлась «крестецкой строчкой». Дуду и моя нянечка были мастерицами в шитье и вышивке. Всё детство нянюшка меня обшивала, особенно она любила шить костюмчики для моих кукол из розового целлулоида. Кукол в те послевоенные времена у меня было три, но все с большим гардеробом. Нянечка была доброты неземной, всё мне прощала и совершенно не занималась тем, что называется воспитанием. Она была малограмотная, но сама выучилась писать и читать. Набожность и церковность няни сыграли большую роль в моём сердечном и душевном воспитании. Помню, как она почти машинально, но постоянно молилась, казалось, между делом... Моим первым учителем была она, и уже в три года я разбирала по складам предложения.

С личной жизнью ей не повезло. Первый раз она вышла замуж в тридцать два года, и муж её умер в первую брачную ночь. Второй оказался пьяницей и бил её. Стерпеть она этого не смогла и ушла от него. Детей у неё не было, а любовь к ним была большая. Так она и попала в нашу семью, вначале выходила, вынянчила моего отца (её Гуленьку), а потом уж и меня. Жила она вместе с нами и была совершенно родным человеком.

Прогулки с няней были каждодневными. Почти каждый день мы ходили в Александровский сад (напротив Адмиралтейства) или доходили до Михайловского и Летнего. Весной мы собирали подснежники в большие белые букеты. Осенью – жёлтые и красные листья, а в маленькую корзиночку шли жёлуди. Зимой – санки, катание с ледяных горок, бух... и всё лицо жжет, нянечка меня бранит, выбивает из валеночек снег.

Я была упрямым ребёнком и иногда донимала свою добрую нянюшку. Наделаю проказ за день, а перед тем, как должны придти домой мама и отец, целую и милую няню, и умоляю ничего им не рассказывать. Наказаний от родителей не получалось, да, видно, и не за что было.

Но однажды мои фантазии превзошли себя!

Как я уже говорила, у меня было три куклы, одну из них звали Ира, был Петрушка, который надевался на пальцы, я представляла им разные сцены, и разговаривала за него, и ещё был большой медведь. Почему-то я его не любила. Он был страшно облезлый, внутри его что-то сухо трещало. Однажды мама и папа, как обычно, поутру ушли. Я осталась в квартире с нянечкой, которая занималась хозяйством на кухне.

В своей комнате я разговорилась со своей любимой куклой Ирой и... не знаю, – то ли она подала мне идею, а может быть, запахи, шедшие из кухни. Только я потихоньку пробралась в столовую и стащила из буфета огромный кухонный нож с костяной ручкой. Я знала, что

в комнате у нас всегда была электрическая плита (с металлическими спиральками), которую включали для подогрева температуры в холодные дни. Потом я взяла медведя, положила его на пол и разрежала на куски, затем поставила детскую игрушечную сковородку на плиту, вставила штепсель в розетку, разложила куски медвежатины на сковородке. Мишка запылал довольно быстро. Нянечка прибежала из кухни с кувшином воды, так как запах горелого быстро распространился по всей квартире.

Она плеснула на моё «блюдо» и оно завоняло и задымилось ещё больше. Опилки из медведя плавали по всему паркету, я рыдала с оправданиями, что хотела приготовить ужин для папы и мамы. Но где-то внутри себя я была рада, что расправилась с ненавистным мне скрипучем медведем. Скрыть это происшествие от родителей не удалось. Меня наказали жестоко, отняли все книжки на несколько дней. Нянюшка переживала больше меня за то, что не получилось утаить мою шалость от родителей. Она чуть не плакала от жалости ко мне, целовала и успокаивала.

Мама моя – красавица, драматическая актриса – полжизни проработала в ТЮЗе (начала у Брянцева), а приехала она в Ленинград в 1935 году с Камчатки, наполовину нанайка, а вторая половина украинской крови. Все в её семье были охотники и золотоискатели, сама она унаследовала от своей матери, Марии Курковой, удивительный дар шитья, вязания, вышивки, прекрасно готовила, любила людей и животных. Так что, детство своё я проводила не только на ершовском рояле, но и за кулисами ТЮЗа, в окружении живых сказок. Мама обладала на редкость стойким и сильным характером, она похоронила двух малолетних детей (мою младшую сестру и брата), это горе было сильнейшим потрясением для неё. Когда отец привёз маму из больницы, её волосы, прежде иссиня-чёрные, были совершенно седыми. Мне было пять лет, и помню, как я испугалась: в первый момент я не узнала её и заплакала.

Школу образца пятидесятых годов, и особенно её учителей, я ненавидела. Видимо, это было «взаимной любовью», но я всё-таки как-то умудрялась переходить из класса в класс. Мне было неинтересно учиться, читала я всё подряд и запоем, а интереснее всего мне было дома, с музыкой и живописью, в общении с родителями и их друзьями. Меня всю жизнь тянуло к взрослым разговорам, я всем сердцем и душой чувствовала, и почти осознавала эту особенность нашего домашнего «оазиса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.